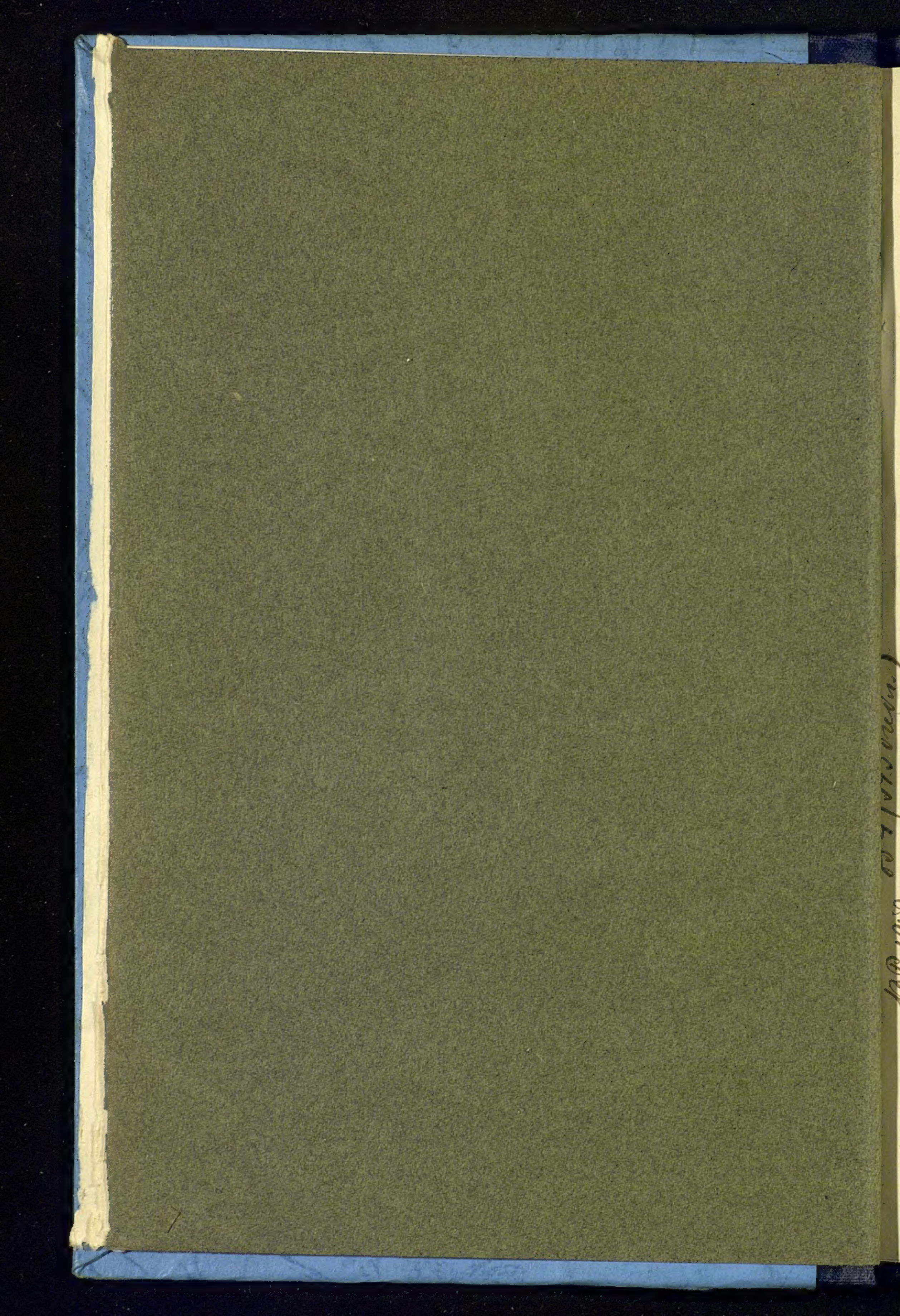
Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ

АНГЛІЯ, ГЕРМАНІЯ И СУДЬБЫ ЕВРОПЫ

Изданіе Комитета по увѣковѣченію памяти
Ѳ. Ѳ. Кокошкина и А. И. Шингарева

МОСКВА—1918.



Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ

АНГЛІЯ, ГЕРМАНІЯ И СУДЬБЫ ЕВРОПЫ

Изданіе Комитета по увѣковѣченію памяти
Ѳ. Ѳ. Кокошкина и А. И. Шингарева

МОСКВА — 1918





Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.

Комитетъ по увѣковѣченію памяти Ѳ. Ѳ. Кокошкина и А. И. Шингарева воспроизводитъ въ печати рѣчь Ѳ. Ѳ. Кокошкина, произнесенную имъ 16 октября 1916 года въ публичномъ засѣданіи Общества Сближенія съ Англіей.

Эта рѣчь, полная современнаго интереса, была записана самимъ Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ послѣ ея произнесенія, но запись эта не была закончена.

Конецъ рѣчи возстановленъ здѣсь по отрывочнымъ записямъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина и газетнымъ замѣткамъ.

16 октября 1916 г. въ публичномъ засѣданіи „Общества сближенія съ Англіей“ въ залѣ Московской Городской Думы Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ произнесъ обширную рѣчь на тему: „Германія, Англія и судьбы Европы“.

Эта замѣчательная рѣчь во многихъ отношеніяхъ отразила на себѣ наиболѣе характерныя особенности духовнаго облика покойнаго ученаго и политическаго дѣятеля.

Прежде всего она представляетъ собой яркій и прекрасный образецъ исключительнаго ораторскаго дарованія Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Даже только прочитывая эту рѣчь и не видя передъ собою оратора, не слыша его голоса, не испытывая непосредственнаго впечатлѣнія отъ его интонацій, отъ одушевленія, сквозившаго въ чертахъ его лица въ тѣ моменты, когда его слово подчиняло себѣ вниманіе настороженной аудиторіи, нельзя не почувствовать, какая мощная ораторская сила жила въ этомъ человѣкѣ. На примѣрѣ этой рѣчи можно съ полной ясностью отдать себѣ отчетъ и въ томъ, какимъ именно свойствомъ своего ораторскаго дара Кокошкинъ былъ обязанъ своей заслуженной славой первоклассчнаго оратора.

Слушая или читая рѣчи многихъ искусныхъ ораторовъ, вы испытываете удовольствіе, сознательно сами для себя отмѣчая, чѣмъ именно въ каждый данный моментъ вызвано ваше эстетическое наслажденіе. Передъ вами мелькаетъ то мѣткая фраза, то остроумное сравненіе, то красивый поэтическій образъ, то интересный парадоксъ. И вы любуетесь этими блестками нарядной рѣчи, словно драгоцѣнными камушками, постепенно раскладываемыми передъ вашими очарованными взорами.

Рѣчи Кокошкина не пестрѣли такими внѣшне эффектными стилистическими узорами. Высокое литературное мастерство, которымъ всегда было отмѣчено ихъ изложеніе, отличалось благородно строгой простотой и чрезвычайно точной отчетливостью

выраженій, въ духѣ классической прозы Пушкина или Тургенева. Но подлинная сила ораторскаго дарованія Кокошкина состояла какъ разъ въ томъ, что при слушаніи его рѣчи вамъ просто некогда было обращать вниманія на ея литературную одежду. Истинный ораторъ Божьей милостью не плѣняетъ и не очаровываетъ слушателя, а магнетизируетъ и приковываетъ къ себѣ его вниманіе такъ всецѣло, что ему даже нѣтъ времени и возможности отдавать себѣ отчетъ въ томъ, чѣмъ именно онъ восхищенъ и захваченъ. При произнесеніи рѣчи истиннымъ ораторомъ самъ онъ и его слушатель какъ бы срастаются въ единое существо, превращаются какъ бы въ единую туго натянутую струну, напряженіе которой все крѣпнетъ и крѣпнетъ до того момента, когда прозвучатъ послѣднія слова съ ораторской трибуны.

Такое именно дѣйствіе неизмѣнно оказывали на аудиторію рѣчи Кокошкина. И нѣкоторое представленіе о такомъ ихъ дѣйствіи можно получить даже и при чтеніи этихъ рѣчей по печатному тексту. Замѣчательная рѣчь, предлагаемая здѣсь вниманію читателей, служитъ убѣдительнымъ тому доказательствомъ.

Почему вы не можете оторваться отъ этой рѣчи, не дочитавъ ее до конца? Потому что въ каждой фразѣ ея чувствуется сила глубокаго убѣжденія; потому что въ основѣ этой силы убѣжденія заключена точная и ясная мысль, связанная съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ; наконецъ, потому, что раскрытіе этой мысли облечено въ такую систему до прозрачности ясныхъ положеній и фактическихъ доказательствъ, которая постепенно выростаетъ передъ духовными взорами слушателя въ неотразимо привлекательное логическое построеніе, въ одно и то же время воздушно-легкое по свободному теченію вложенной въ него мысли и внушительно мощное по силѣ ея сосредоточенности и внутренней сцѣпленности всѣхъ ея отдѣльныхъ моментовъ.

Вы чувствуете въ то же время, что путь, которымъ ораторъ властно увлекаетъ васъ за собою, вовсе не исчерпывается формальнымъ логическимъ развитіемъ его идеи, ибо каждое положеніе его рѣчи основывается на богатомъ подборѣ фактовъ, извлекаемомъ изъ его обширнаго знанія историческаго прошлаго и современной политической дѣйствительности. Эти факты, столь обильно насыщающіе содержаніе его рѣчи, сплетаются въ

одно неразрывное цѣлое съ системою ея логическихъ доказательствъ и располагаются такъ искусно, что изъ нихъ по мѣрѣ теченія рѣчи слагаются цѣльныя картины политической дѣйствительности, открывающія широкія перспективы для познанія смысла современныхъ явленій міровой политической жизни.

Твердость убѣжденія, стальная сила логической мысли и глубокое знаніе политической дѣйствительности—таковы были три основныя стихіи ораторскаго дара Ѳ. Ѳ. Кокошкина и изъ соединенія всѣхъ этихъ трехъ стихій рождалась тайна его неизмѣнныхъ ораторскихъ тріумфовъ.

Рѣчь, которую мы здѣсь печатаемъ, заслуживаетъ особаго вниманія общества не только потому, что въ ней выпукло выступаютъ сильныя стороны ораторскаго дарованія Ѳ. Ѳ. Кокошкина, но также и потому, что въ ея содержаніи выражается основное ядро, сердцевина его политическаго міровоззрѣнія. Центръ тяжести всей рѣчи лежитъ въ необычайно яркомъ противопоставленіи двухъ противоположныхъ политическихъ міровоззрѣній. Міровая война представляется оратору состязаніемъ Германіи и Англіи, въ которомъ онъ усматриваетъ состязаніе двухъ исключающихъ другъ друга политическихъ принциповъ. Эта борьба между стремленіемъ Германіи подчинить всю Европу гегемоніи единаго сильнѣйшаго государства, которое должно стать властелиномъ, предписывающимъ свои законы всѣмъ остальнымъ европейскимъ странамъ, и стремленіемъ Англіи къ организаціи Европы на началахъ федеративнаго единенія самостоятельныхъ и не стѣсненныхъ въ свободѣ своего внутренняго развитія странъ. „Германія превыше всего"—таковъ исходный пунктъ германскаго идеала; „Живи и жить давай другимъ",—таковъ исходный пунктъ идеала англійскаго. Во всеоружіи обильнаго и искусно расположеннаго фактическаго матеріала Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ показываетъ слушателю тѣ конкретныя формы, въ которыхъ Германія и Англія воплощаютъ на практикѣ эти основные, руководящіе принципы своего политическаго творчества. И вслѣдъ за изображеніемъ типичныхъ пріемовъ германской политики передъ нами развертывается здѣсь величественная картина Британской имперіи, въ которой широкое примѣненіе принципа свободной федераціи такъ счастливо сочеталось съ внушительной силой союзнаго цѣлаго.

Ораторъ не оставляетъ въ слушателѣ никакого сомнѣнія въ

томъ, что всѣ его симпатіи стоятъ на сторонѣ англійскаго идеала. И слушатель безъ труда сдѣлаетъ тотъ выводъ, что на этомъ конкретномъ примѣрѣ выражается существо общаго міровоззрѣнія Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Общеизвѣстно, конечно, что Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ былъ истиннымъ рыцаремъ идеала свободы. Но понятіе свободы было такъ затемнено и искажено въ сознаніи широкихъ слоевъ нашего населенія, а трагическія событія, пронесшіяся надъ нашей родиной, такъ способствовали еще дальнѣйшему затемнѣнію и искаженію его, что становится въ высшей степени важнымъ подчеркнуть то реальное представленіе о сущности свободнаго строя, которое выражено въ этой рѣчи Ѳ. Ѳ. Кокошкина.

Изображая столь высоко цѣнимые имъ жизненные принципы Британской имперіи, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ усиленно выдвигаетъ ту мысль, что осуществленіе принципа свободнаго самоопредѣленія отдѣльныхъ частей этой своеобразной федераціи не только не исключаетъ наличности твердой и сильной государственной власти, но необходимо предполагаетъ ея существованіе и въ свою очередь способствуетъ ея развитію и укрѣпленію. Свобода, понимаемая сообразно ея дѣйствительной природѣ, вовсе не есть дезорганизующая сила, расшатывающая крѣпость государственнаго союза, снимающая всѣ сдержки съ проявленія противообщественныхъ страстей; какъ разъ напротивъ, свобода есть великій принципъ организаціи, ибо въ правильномъ пониманіи своемъ она предполагаетъ обезпеченіе для каждаго члена государственнаго союза неприкосновенности правъ свободной личности, что возможно и осуществимо лишь при условіи общепризнанной сильной и твердой власти, во всѣхъ случаяхъ одинаково готовой устранить всякое правонарушеніе, откуда бы оно ни исходило. И Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ подчеркиваетъ въ своей рѣчи, что въ построенной на началахъ истинной свободы Британской имперіи сказывается гораздо болѣе удивительная организаціонная сила и мощь, нежели въ тѣхъ результатахъ, которыхъ достигнулъ въ этомъ отношеніи германскій имперіализмъ и милитаризмъ.

Рѣчь Ѳ. Ѳ. Кокошкина, произнесенная въ 1916 г., обвѣяна твердой увѣренностью въ полномъ конечномъ торжествѣ Англіи надъ Германіей. Не будемъ гадать, въ какой степени онъ измѣнилъ бы оптимистическій тонъ нѣкоторыхъ мѣстъ своей рѣчи

подъ вліяніемъ послѣдующихъ событій. Пусть только читатель не упускаетъ изъ виду того, что основной тезисъ рѣчи Ѳ. Ѳ. Кокошкина выходитъ далеко за предѣлы оцѣнки отдѣльныхъ перипетій текущей войны. Въ сущности это рѣчь не столько о ходѣ и исходѣ данной войны, сколько о двухъ полярно противоположныхъ идеалахъ политическаго творчества. Факты текущей политической дѣйствительности служатъ здѣсь Ѳ. Ѳ. Кокошкину лишь иллюстраціоннымъ матеріаломъ, на которомъ онъ развиваетъ основныя руководящія начала всего своего политическаго міровоззрѣнія. Эти начала служили ему путеводными звѣздами, по которымъ онъ располагалъ и внутреннюю жизнь своего духа и свои практическіе шаги на поприщѣ политической борьбы и общественной работы. И сіяніе этихъ звѣздъ, конечно, не могло бы померкнуть передъ его духовнымъ взоромъ отъ тѣхъ или иныхъ временныхъ поворотовъ перемѣнчивой боевой удачи.

Внимательный и чуткій читатель безъ труда усмотритъ въ разсужденіяхъ Ѳ, Ѳ. Кокошкина о явленіяхъ даннаго момента освѣщеніе основныхъ положеній его общаго философско-политическаго символа вѣры. Это именно обстоятельство и побудило насъ всего болѣе предложить вниманію общества настоящую рѣчь Ѳ. Ѳ. Кокошкина въ видѣ отдѣльной брошюры.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ видѣ текстъ этой рѣчи, здѣсь печатаемый, сохранился въ бумагахъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Почти вся рѣчь, за исключеніемъ лишь заключительной ея части, была записана самимъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ послѣ ея произнесенія, и, такимъ образомъ, этотъ текстъ не оставляетъ ничего желать въ смыслѣ его аутентичности. Къ сожалѣнію, однако, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ не дописалъ рѣчи до конца; запись оборвалась на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, изложивъ зиждительные и животворные, съ его точки зрѣнія, принципы устройства Британской имперіи, переходилъ затѣмъ къ указанію недочетовъ и слабыхъ сторонъ ея организаціи, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ показать, насколько эти недочеты не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ отрицательными основными чертами германской политической системы. Остается только сожалѣть о томъ, что столь интересная и существенная часть рѣчи не была воспроизведена въ письменной формѣ. Все

же наибольшая часть всей рѣчи вошла въ письменный авторскій текстъ, въ чемъ насъ убѣждаетъ оставшійся въ бумагахъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина конспектъ всей рѣчи. По этому конспекту можно видѣть, что недописанной осталась сравнительно небольшая заключительная часть. Вмѣсто этой ненаписанной части мы помѣщаемъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ относящіяся къ ней строки конспекта, изъ которыхъ читатель уловитъ хотя бы общую нить дальнѣйшаго изложенія. Эффектныя финальныя строки всей рѣчи мы воспроизводимъ по отчету объ этомъ засѣданіи „Русскихъ Вѣдомостей“ въ номерѣ отъ 17 октября 1916 года. Этотъ отчетъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, въ качествѣ ближайшаго сотрудника „Русскихъ Вѣдомостей“, конечно, имѣлъ возможность просмотрѣть и провѣрить и, такимъ образомъ, точность этой записи можетъ быть признана вполнѣ надежной.

Не сомнѣваемся въ томъ, что и въ такомъ, нѣсколько урѣзанномъ въ своемъ концѣ видѣ, настоящая рѣчь Ѳ. Ѳ. Кокошкина явится цѣннымъ памятникомъ его ораторскаго искусства и его политическихъ воззрѣній.

Германія, Англія и судьбы Европы.

„Четыре всадника Апокалипсиса". Такъ назвалъ извѣстный испанскій писатель Бласко Ибаньесъ свой послѣдній романъ, посвященный переживаніямъ современной войны.

Сравненье не ново. Оно повторялось много разъ въ катастрофическія эпохи жизни человѣчества. Но едва ли на всемъ протяженіи всемірной исторіи можно указать періодъ, когда мрачные и величественные образы „Откровенія Іоанна" находили бы себѣ такое близкое и грандіозное подобіе въ дѣйствительности, какъ въ моментъ, сейчасъ переживаемый нами. И когда одинъ изъ героевъ испанскаго романиста, пользуясь готовыми линіями апокалиптическаго рисунка, набрасываетъ по нимъ широкую картину современности, его нельзя упрекнуть въ искусственности или натянутости. Отъ этой картины вѣетъ живымъ дыханіемъ того, что недавно еще показалось бы многимъ мрачной фантазіей, и что на нашихъ глазахъ стало подлинной реальной жизнью.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не стонетъ уже третій годъ почва Европы подъ копытами „краснаго коня", сидящему на которомъ „данъ большой мечъ" и дано „взять миръ съ земли, чтобы убивали другъ друга"? И развѣ не показался уже вслѣдъ за этимъ всадникомъ другой на „черномъ конѣ", худой и изможденный, и развѣ мы не слышимъ его неумолимый голосъ: „мѣру пшеницы за динарій и три мѣры ячменя за динарій, а къ елею не прикасайся". И не видимъ ли мы воочію страшное апокалиптическое чудовище, „звѣря, выходящаго изъ бездны", со многими головами и коронами на нихъ, звѣря, изрыгающаго

слова „великія и хульныя“? Мы знаемъ эти „хульныя“ слова. „Сила выше права“. „Слабому нѣтъ мѣста на землѣ“. „Будь жестокъ, чтобы быть великимъ“. Вотъ тѣ великія и кощунственныя хулы на человѣка и человѣчество, которыя изрыгаетъ „звѣрь“. И „звѣрю“ дана „великая власть“. Развѣ мы не слышимъ восклицаній ослѣпленныхъ могуществомъ чудовища: „Кто подобенъ звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ?“.

Страшенъ міровой пожаръ, зажженный звѣремъ германскаго милитаризма. На немъ сгораютъ, какъ солома, и человѣческія жизни, и накопленныя долгимъ и тяжкимъ трудомъ матеріальныя блага, и многія цѣнности духовной культуры. Предъ лицомъ его повсюду находятся робкіе, мужество которыхъ потрясено длящимся уже болѣе двухъ лѣтъ ужаснымъ зрѣлищемъ и которые, подобно стаду, испуганному огнемъ и дымомъ, бросаются въ смятеніи назадъ къ старому горящему жилищу, къ старой скорлупкѣ мирнаго беззаботнаго, къ міровымъ вопросамъ существованія. „Скорѣй бы, скорѣй кончить войну, не слышать больше объ ея ужасахъ и зажить по старому“, — такъ можно передать настроеніе этого обывательскаго пасифизма, готоваго купить миръ какой угодно цѣной. Но къ старому жилищу вернуться нельзя. Оно объято пламенемъ.—Старая скорлупа раздавлена. Назадъ идти некуда. Можно идти только впередъ, а путь впередъ лежитъ сквозь дымъ и пламень мірового пожара.

Куда ведетъ этотъ путь? Что ожидаетъ насъ и вмѣстѣ съ нами всю Европу въ томъ новомъ и загадочномъ для насъ періодѣ всемірной исторіи, который начнется послѣ войны?

Чтобы отвѣтить на вопросъ, куда мы идемъ, нужно прежде всего спросить себя, откуда и какъ мы пришли къ тому грозному рубежу историческаго пути, черезъ который мы сейчасъ переходимъ. Нужно постараться проникнуть въ историческій смыслъ великой европейской войны и отдать себѣ отчетъ, почему и изъ-за чего она происходитъ.

Было бы, конечно, безмѣрно притязательной и обреченной заранѣе на крушеніе попыткой задаться цѣлью дать здѣсь сколько-нибудь полное рѣшеніе этого вопроса, по которому будутъ написаны со временемъ многіе томы. Онъ такъ же не-

объятно широкъ и безконечно многограненъ, какъ широка и многогранна европейская культура, приведшая въ своемъ последовательномъ развитіи къ переживаемой нами трагической катастрофѣ. Для цѣлей настоящаго очерка будетъ достаточно остановиться лишь на той ближайшей и вмѣстѣ съ тѣмъ общей причинѣ войны, въ которой, какъ въ фокусѣ сходится дѣйствіе всѣхъ другихъ многообразныхъ факторовъ, вызвавшихъ великое международное столкновеніе, и которая коренится въ основномъ складѣ взаимныхъ отношеній европейскихъ народовъ.

Мы лучше всего подойдемъ къ уясненію связи между общимъ строемъ этихъ отношеній и настоящей войной, если поставимъ себѣ вопросъ: какъ понимала смыслъ борьбы та сторона, которая ее начала? Какія цѣли ставили войнѣ наши враги? Ибо теперь, послѣ того, какъ исторія предшествовавшихъ войнѣ переговоровъ выяснена въ своихъ главныхъ чертахъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что нападающей стороной явилась Германія, которая въ рѣшительный моментъ толкнула на роковой путь и Австро-Венгрію.

Изъ-за чего начала войну Германія?

Мы знаемъ хорошо тотъ офиціальный отвѣтъ, который наши противники даютъ на этотъ вопросъ. Онъ гласитъ, что Германія была вынуждена взяться за оружіе въ цѣляхъ самозащиты. Намъ хорошо извѣстна и внутренняя цѣнность этого объясненія, „бьющаго по лицу" дѣйствительности. Но что сказали бы о причинахъ и смыслѣ войны сами нѣмцы въ условіяхъ неофиціальнаго откровеннаго выраженія своего мнѣнія? Отвѣтъ, конечно, былъ бы неодинаковъ, въ зависимости отъ того, отъ какихъ группъ населенія онъ исходилъ бы.

Что касается широкихъ круговъ германскаго населенія, то ихъ мнѣніе о происхожденіи войны, повидимому, совпадаетъ съ офиціальнымъ объясненіемъ. Они считаютъ эту войну оборонительной со стороны ихъ отечества, ибо ихъ увѣрили, что на Германію, желавшую мира, напали ея сосѣди, завидовавшіе ея могуществу и процвѣтанію. Рано или поздно истина станетъ, конечно, ясна и нѣмецкому народу. Можно даже предположить, что процессъ проясненія уже начинается, отражаясь въ особен-

ности въ растущемъ вліяніи „меньшинства“ соціалъ-демократической партіи. Но въ общемъ мысль германскихъ народныхъ массъ опутана офиціальнымъ обманомъ, который въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ едва ли былъ бы возможенъ въ странѣ, меньше проникнутой чувствомъ національнаго самодовольства и вѣры въ непогрѣшимость органовъ государственной власти.

Тѣ германскіе общественные круги, которые играютъ въ общественной и государственной жизни страны руководящую роль, конечно, не такъ наивны, чтобы вѣрить офиціальному объясненію.

Они хорошо знаютъ, что идеологія настоящей войны, ея обоснованіе и оправданіе строились въ Германіи еще въ то время, когда ея противники не вѣрили въ самую возможность этой чудовищной катастрофы. Они хорошо знаютъ, что войну начала Германія, хотя лишь немногіе изъ нихъ настолько экспансивны, чтобы, подобно Максимиліану Гардену, признавать это открыто. Въ глазахъ германскихъ политическихъ круговъ цѣль войны это—завоеваніе для Германіи „мѣста подъ солнцемъ“: Германія, съ ихъ точки зрѣнія, обдѣлена; она слишкомъ поздно явилась къ раздѣлу міра, въ которомъ львиную долю уже захватили пришедшіе раньше. Но она не можетъ терпѣть этого положенія и должна поправить его мечомъ.

Это объясненіе можетъ, конечно, вполнѣ удовлетворить дѣятелей практической политики, но даже въ Германіи, при всей ея національной исключительности, человѣческая мысль не можетъ остановиться на этомъ узко-національномъ оправданіи страшныхъ гекатомбъ, приносимыхъ богу войны. Самые размѣры постигшей человѣчество катастрофы и создаютъ не преодолимую потребность въ сверхнаціональномъ ея объясненіи. Что даетъ Германіи моральное право предъ человѣчествомъ покупать свое, „мѣсто подъ солнцемъ“ такой ужасной цѣной? Что она несетъ міру такого, что могло бы искупить бѣдствія міровой борьбы?

Нужно отдать справедливость смѣлости и послѣдовательности представителей германской мысли. Они не отступаютъ предъ этими трудными для нихъ вопросами; но даютъ на нихъ

вполнѣ опредѣленный отвѣтъ, обосновывая позицію Германіи въ этой войнѣ не только ея эгоистическими національными интересами, но и приписываемой ей высшей міровой миссіей.

Еще въ самомъ началѣ войны пользующійся міровой извѣстностью нѣмецкій ученый, лейпцигскій профессоръ Оствальдъ, въ статьѣ, обращенной къ общественному мнѣнію нейтральныхъ странъ, развилъ ясную и стройную теорію, выясняющую міровое назначеніе германскаго народа. Сущность этой теоріи сводится къ слѣдующему:

Исторіи извѣстны три главныя ступени развитія человѣческаго общества: во-первыхъ,—стадное состояніе нерасчлененной орды, во-вторыхъ,—господство индивидуализма, въ-третьихъ,—состояніе организаціи.

Съ точки зрѣнія Оствальда Россія находится еще на первой ступени, Франція и Англія пребываютъ во второй индивидуалистической стадіи развитія, что же касается Германіи, то она уже прошла ее полвѣка тому назадъ и достигла въ настоящее время третьей ступени состоянія организованности. Теперь она хочетъ приложить свой организаторскій талантъ на болѣе широкомъ поприщѣ. Обладая секретомъ „организующей культуры“, она стремится организовать Европу.

Итакъ, организація—вотъ секретъ Германіи, тотъ даръ, который она приноситъ европейскому человѣчеству.

Въ чемъ именно заключается германскій планъ организаціи Европы, объ этомъ мы будемъ говорить нѣсколько ниже. Сейчасъ же намъ важно прежде всего отмѣтить, что въ соображеніяхъ Оствальда, на ряду съ безудержнымъ размахомъ наивнаго националистическаго самомнѣнія, заключается одна, несомнѣнно, правильная и важная мысль. Онъ правъ въ томъ, что Европа дѣйствительно испытываетъ острую нужду въ организаціи.

Одной изъ основныхъ причинъ постигшей Европу катастрофы является не что иное, какъ ея неорганизованность. За эту неорганизованность она платится сейчасъ потоками крови. И въ этой войнѣ, быть можетъ, родится въ мукахъ организація Европы, хотя и не такая, о какой мечтаютъ идеологи нѣмецкаго милитаризма.

Скажутъ можетъ-быть, что было бы правильнѣе поставить вопросъ шире и говорить не о европейской, а о міровой организаціи. Безъ сомнѣнія, освободить человѣчество окончательно отъ бѣдствія войны могла бы только организація всего міра. Но въ этой великой проблемѣ самой важной и неотложной частью является именно организація Европы.

Организовать Европу значило бы организовать фактически большую часть міра, ибо вмѣстѣ съ европейскими государствами въ организацію вошли бы и ихъ колоніи, охватывающія большую часть Азіи, Африку, части Америки и Австралію. Для довершенія міровой организаціи оставалось бы только установить опредѣленное отношеніе между объединенной Европой съ ея колоніями и остающимися за ея предѣлами двумя группами народовъ: американской, обнимающей независимыя государства Сѣверной и Южной Америки, и дальневосточной, состоящей изъ Японіи и Китая.

Мы до такой степени привыкли къ состоянію дезорганизаціи, въ которомъ живетъ Европа, что до самаго послѣдняго времени считали его естественнымъ порядкомъ вещей. А между тѣмъ глубокая ненормальность его должна была бы броситься въ глаза.

Въ самомъ дѣлѣ, на небольшомъ сравнительно кускѣ земли, представляющемъ собой сѣверо-западный полуостровъ великаго материка Стараго Свѣта, тѣсно сгрудились самые могущественные, самые культурные, гордые своимъ прошлымъ и своими успѣхами, непрестанно развивающіе свои силы народы. И эти народы, живущіе бокъ о бокъ другъ съ другомъ, соединенные тѣсной зависимостью взаимныхъ интересовъ, не связаны между собой никакой общей постоянной организаціей, не признаютъ никакого суда надъ собой и готовы во всякій моментъ рѣшать свои распри мечомъ. Не походила ли такая Европа во все время своего существованія на пороховой погребъ, ждущій малѣйшей искры, чтобы вспыхнуть страшнымъ взрывомъ? Привычка заслоняла отъ нашихъ взоровъ опасности, таящіяся въ такомъ существованіи, юристы скрашивали его уродливость звучнымъ и гордымъ терминомъ „суверенитета“, державныхъ правъ на-

рода. Но будущимъ поколѣніямъ весь этотъ порядокъ покажется такимъ же страннымъ, какимъ кажется намъ политическій укладъ той эпохи средневѣковья, когда каждый частный землевладѣлецъ считалъ себя въ правѣ пойти войной на своего сосѣда за дѣйствительное или мнимое нарушеніе его правъ.

Неорганизованность Европы представляла меньшую сравнительно съ современной эпохой опасность въ прошломъ столѣтіи, когда взаимныя связи европейскихъ народовъ не были такъ тѣсны, какъ теперь. Но чѣмъ болѣе умножались и усиливались эти связи, чѣмъ ближе и тѣснѣе переплетались интересы, тѣмъ грознѣе становилось положеніе. Думали, что именно ростъ взаимной зависимости сдѣлаетъ вооруженное столкновеніе невозможнымъ, это было бы такъ лишь въ томъ случаѣ, если бы параллельно съ расширеніемъ экономическаго и культурнаго взаимодѣйствія закладывались основы политическаго объединенія.

Но этого не было. Силою вещей связываясь все тѣснѣе другъ съ другомъ въ области обмѣна матеріальными и духовными цѣнностями, европейскіе народы въ то же время настойчиво и непреклонно утверждали свою политическую независимость другъ отъ друга, свое право быть судьей и исполнителемъ въ собственномъ дѣлѣ. Это несоотвѣтствіе темпа развитія Европы въ различныхъ областяхъ международнаго общенія и привело ее къ катастрофѣ.

Европа до сихъ поръ была неорганизованнымъ обществомъ. Неорганизованное общество можетъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока оно не дойдетъ до извѣстныхъ предѣловъ внутренняго развитія. За этими предѣлами организація становится неотвратимой потребностью. И историческіе примѣры показываютъ намъ, что переходъ отъ неорганизованности къ организаціи или отъ болѣе слабаго объединенія къ болѣе сильному весьма часто сопровождается вооруженной борьбой. Въ частности это можно прослѣдить въ исторіи федерацій. Такъ, превращенію Швейцаріи изъ союза государствъ въ союзное государство предшествовала въ 1847 г. война, такъ называемаго Sonderbund'а католическихъ кантоновъ съ остальными. Цѣной междоусобной

войны было также куплено окончательное утвержденіе неразрывности Сѣверо-Американскаго Союза. Это были войны изъ за организаціи Швейцаріи и Сѣверной Америки. Не является ли и настоящая война въ своей внутренней сущности войной изъ-за организаціи Европы? И не происходитъ ли на нашихъ глазахъ не только борьба двухъ группъ народовъ, отстаивающихъ свои права и интересы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознательное или безсознательное столкновеніе двухъ противоположныхъ организаціонныхъ началъ, оспаривающихъ другъ у друга первенствующее мѣсто въ будущемъ устроеніи Европы? Мы думаемъ, что именно таковъ международно-политическій смыслъ, вкладываемый въ настоящую войну самою логикой вещей. Дезорганизація привела Европу къ страшной катастрофѣ, и вынесенный изъ этой катастрофы опытъ долженъ привести ее къ организаціи.

Организація Европы, какъ всякаго сложнаго цѣлаго, предполагаетъ опредѣленный порядокъ отношеній между составляющими ее элементами, т.-е. европейскими государствами. Но эти послѣднія сами въ свою очередь представляютъ собой сложныя организованныя извѣстнымъ образомъ единицы, и внутренняя организація ихъ не можетъ не оказывать существеннаго вліянія и на организацію ихъ взаимныхъ отношеній. Эту связь между будущей организаціей Европы и внутренней организаціей составляющихъ ее государствъ вполнѣ признаютъ и подчеркиваютъ и идеологи германской міровой миссіи. Призваніе Германіи къ міровому строительству они обосновываютъ именно на томъ, что германскій народъ уже доказалъ свой организаторскій геній во внутреннемъ устроеніи своего собственнаго государства. И нужно признать, что германцы не совсѣмъ одиноки въ своемъ преклоненіи передъ германской „организаціей". Она имѣетъ поклонниковъ и въ другихъ странахъ, и даже въ лагерѣ враговъ Германіи есть люди, убѣжденные, что побѣдить Германію можно, лишь заимствовавъ у нея ея организаціонные принципы.

Каковы же эти принципы? Въ чемъ заключается „секретъ организующей культуры", которымъ гордятся германцы?

Они сами указываютъ на сущность своего „секрета", когда

подобно Оствальду, противополагаютъ нѣмецкую „организацію“ англо-французскому „индивидуализму“, пережитому нѣмцами 50 лѣтъ тому назадъ, или, когда, подобно Пленге и Зомбарту торжествуютъ побѣду идей 1914 года надъ идеями 1789 года. Германскій организаціонный принципъ, объясняющій и сильныя, и слабыя стороны германской общественно-политической культуры, заключается въ такомъ полномъ подчиненіи личности государству, которое не осуществлено ни въ какомъ иномъ современномъ государствѣ. Нужно замѣтить при этомъ, что рѣчь идетъ здѣсь собственно не о правовыхъ формахъ взаимныхъ отношеній между личностью и государствомъ. Эти формы, въ общемъ, унаслѣдованы Германіей отъ „индивидуалистическаго“ періода ея исторіи и съ чисто внѣшней стороны не слишкомъ сильно отличаются отъ соотвѣтствующихъ правовыхъ отношеній въ западныхъ демократіяхъ. Особенностью германскаго политическаго быта является своеобразное и внутреннее отношеніе личности къ государству, коренящееся въ общественной психологіи. Такого добровольнаго отданія себя государству, мы не встрѣтимъ ни въ какой другой европейской странѣ и если справедливо изреченіе, что „не цѣпи, а рабское сознаніе дѣлаетъ рабомъ“, то можно утверждать, что моральное порабощеніе личности государственной властью въ Германіи выражено сильнѣе, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ права личности юридически ограждены гораздо менѣе.

Тѣ отношенія между государствомъ и личностью, о которыхъ мы говоримъ, сложились въ Германіи не сразу. Какъ и въ другихъ странахъ, въ теченіе послѣдняго столѣтія тамъ происходила напряженная борьба между двумя міросозерцаніями: тѣмъ, которое ставитъ государство надъ личностью, какъ верховное самодавлѣющее начало, и тѣмъ, которое видитъ въ немъ, въ концѣ-концовъ, дѣло рукъ человѣческихъ, призванное служить благу людей. Въ политической исторіи Германіи былъ моментъ, когда второе „индивидуалистическое“ или либеральное теченіе достигло своего наивысшаго подъема и, казалось, готово было восторжествовать. Это была именно та эпоха, на которую Оствальдъ презрительно смотритъ, какъ на оставлен-

ную далеко позади, низшую стадію развитія; эпоха революціи 1848 года. Она оставила свой слѣдъ въ формахъ германской политической жизни. Но выступившей тогда на сцену германской демократіи не удалось разрѣшить важнѣйшей задачи, стоявшей передъ германскимъ народомъ, задачи національнаго объединенія, и эта роковая неудача предопредѣлила дальнѣйшій ходъ событій. Національное объединеніе Германіи совершилось „кровью и желѣзомъ“ на началахъ гегемоніи реакціонной Пруссіи подъ руководительствомъ ея династіи и ея высшихъ классовъ. Это наложило неизгладимый отпечатокъ на характеръ и развитіе Германской имперіи. Одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей германской политической жизни за послѣднія десятилѣтія является своеобразное смѣшеніе новѣйшихъ формъ политической, соціальной и культурной жизни съ пережитками феодально-вотчинныхъ идей и традицій.

Это смѣшеніе находитъ себѣ яркое символическое воплощеніе въ типичнѣйшей для современной Германіи фигурѣ Вильгельма II, соединяющей въ себѣ стремленія къ реставраціи политическаго міросозерцанія Фридриха Барбароссы съ пріемами и навыками директора или коммивояжера крупной торговой фирмы.

Съ этой характерной особенностью быта современной Германіи тѣсно связано и другое своеобразное явленіе—сочетаніе быстраго экономическаго развитія съ полнымъ политическимъ застоемъ. За сорокъ пять лѣтъ существованія Германской имперіи ни сама имперія, ни важнѣйшая составная часть ея не сдѣлали ни одного серьезнаго шага впередъ по пути политическаго прогресса [1]). Попытки установленія въ имперскомъ управленіи начала министерской отвѣтственности остались до сихъ поръ столь же безуспѣшными, какъ и стремленіе къ реформѣ заклейменной еще Бисмаркомъ прусской „трехклассной“ избирательной системы.

Тотъ удивительный фактъ, что народъ, полный силъ и энер-

---

[1]) Нѣкоторое движеніе впередъ, напримѣръ, въ области избирательнаго права и фактическаго перехода къ парламентаризму можно отмѣтить за этотъ періодъ времени лишь въ южногерманскихъ государствахъ.

гіи, достигшій высокой ступени развитія матеріальной культуры, обладающій ярко выраженнымъ національнымъ самосознаніемъ, не только мирится съ устарѣлыми формами государственнаго быта, но относится къ пережиткамъ феодально-вотчинныхъ учрежденій съ чувствомъ, близкимъ къ благоговѣнію, былъ бы намъ совершенно непонятенъ, если бы мы не приняли въ расчетъ той повелительной идеи или, можетъ быть, даже еще вѣрнѣе того могущественнаго чувства, о которомъ мы говорили выше и которое владѣетъ духомъ современной Германіи, освящая и окружая ореоломъ въ ея сознаніи даже явные признаки недоразвитія въ ея политическомъ строѣ. Это чувство—преклоненіе передъ государствомъ, доходящее до обоготворенія его, не въ переносномъ смыслѣ, а въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Одинъ изъ самыхъ проникновенныхъ и сочувственныхъ наблюдателей психическаго состоянія Германіи наканунѣ войны, нынѣ умершій англійскій профессоръ Крэмбъ, съ удивительной ясностью предчувствовавшій неизбѣжность столкновенія Германіи съ его отечествомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ относившійся съ нескрываемымъ сочувствіемъ къ духу германскаго патріотизма, и призывавшій своихъ соотечественниковъ, „пока не поздно“, подражать ему—въ своихъ недавно переведенныхъ на русскій языкъ лекціяхъ съ особеннымъ удареніемъ подчеркиваетъ поразительный процессъ, совершающійся въ душѣ современнаго германца, процессъ подмѣны старой религіи новой. Крэмбъ съ чрезвычайной яркостью изображаетъ стремленіе „молодой Германіи 1913 года“, идущей въ своемъ дерзаніи гораздо дальше „имперіализма“, въ обычномъ смыслѣ, пытающейся создать не только новую міровую имперію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и новую міровую религію, въ которой путемъ своеобразной реставраціи воскреснетъ духъ древней религіи Одина [1]). И Крэмбъ правъ. Новая религія въ Германіи дѣйствительно образуется. Быть можетъ, она даже не такъ нова. Ея зародышъ можно найти въ политической философіи Гегеля, но настоящей религіей, имѣющей милліоны приверженцевъ, она сдѣлалась лишь въ послѣднія

---

[1]) Крэмбъ. „Германія и Англія“, переводъ съ англійскаго. Москва, стр. 114.

десятилѣтія. Не всѣ послѣдователи ея открыто порываютъ съ христіанствомъ, но, по существу, эта религія не христіанская и можно даже сказать болѣе, религія идолопоклонническая, ибо она ставитъ надъ человѣкомъ дѣло рукъ человѣческихъ. Старый нѣмецкій Богъ Вильгельма II—это то же, что реставрированный Одинъ молодой Германіи. И этотъ богъ, котораго подъ разными именами чтитъ и которому поклоняется современнная Германія, которому она приноситъ теперь гекатомбы кровавыхъ человѣческихъ жертвъ, этотъ грозный и безпощадный богъ, по существу есть не что иное, какъ нѣмецкое государство. На принципѣ первенства, на принципѣ гегемоніи построилъ германскій народъ свое національное единство, и когда онъ вышелъ за тѣсные предѣлы національнаго государства и поставилъ себѣ міровыя задачи, та же идея гегемоніи силою вещей легла въ основу его плановъ и стремленій. Какъ боевая фаланга, пущенная въ сраженіи въ извѣстномъ направленіи, уже не можетъ свернуть съ разъ взятаго пути, но должна идти впередъ, пока она или не сокрушитъ всѣхъ препятствій, или сама не будетъ сокрушена, такъ Германія въ своемъ порывѣ къ міровымъ задачамъ уже не можетъ измѣнить основной окраски своихъ стремленій, жажды гегемоніи. Это путь Германіи къ міровому значенію, Zum Weltvolk hindurch. Посмотрите съ какой логической послѣдовательностью, съ какой неизмѣнностью основной идеи развертывается нѣмецкій планъ организаціи міра.

На феодально-вотчинныхъ началахъ, на союзѣ неравенства выросла Пруссія. Гегемонія Пруссіи легла въ основу Германской имперіи. Имперія въ свою очередь теперь становится ядромъ высшаго цѣлаго, построеннаго на тѣхъ же началахъ. Въ самомъ дѣлѣ посмотрите на союзъ нашихъ противниковъ. Развѣ это — союзъ равноправныхъ, равныхъ силъ? Германія— это сюзеренъ, Австрія, Венгрія, Турція, Болгарія — вассалы. И чѣмъ долѣе длится война, тѣмъ полнѣе становится ихъ подчиненіе Германіи. Ближайшая задача германскаго имперіализма, это созданіе новаго огромнаго сложнаго политическаго цѣлаго, созданіе такъ называемаго среднеевропейскаго союза „Mittelseuropa“, въ который должны войти, кромѣ Германіи и Австро-

Венгріи, также Швейцарія, Бельгія, Голландія, балканскія государства, а по мнѣнію нѣкоторыхъ—также и скандинавскія государства. Бывшій пасторъ, лидеръ германскихъ либераловъ Науманъ,—одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ распространителей этой идеи; но ее высказываетъ и рядъ другихъ авторитетныхъ авторовъ: Листъ, Филипповичъ, Рорбахъ, Ломъ, Диксъ, Айтъ, Зимель, Шюгитъ. Но что эта за среднеевропейскій союзъ? Физіономія его обрисовывается уже теперь въ устройствѣ коалиціи нашихъ враговъ. Да нѣмецкіе писатели и не скрываютъ его природы. Онъ долженъ служить средствомъ расширенія Германіи. Это союзъ, гдѣ Германіи должно принадлежать главенство. Но на среднемъ европейскомъ союзѣ не кончается мечта Германіи. Mittelseuropa—только средство. Сгруппировавъ вокругъ себя силы центральной Европы, Германія должна начать послѣднюю рѣшительную борьбу съ европейскими государствами, оставшимися за предѣлами германской гегемоніи и прежде всего съ двумя державами, которыя Германія признаетъ міровыми—съ Англіей и Россіей. За организаціей средней Европы должна слѣдовать организація всей Европы. „Европейскому индивидуализму,—говоритъ Оствальдъ,—необходимо положить конецъ, а изъ Европы надо создать одно организованное цѣлое. Для этого долженъ быть созданъ особый центральный органъ, и такимъ мозгомъ можетъ быть только Германія, ибо она одна обладаетъ секретомъ организующей культуры". На этомъ пути у Германіи не можетъ быть отступленія. „Weltmacht oder Nidergang"—міровое господство или гибель,—восклицаетъ извѣстный идеологъ германскаго имперіализма, предсказавшій настоящую войну, генералъ Бернгарди.

Итакъ, война за войной—безконечный кровавый путь, въ туманной дали котораго рисуется конечная цѣль — всеміpная гегемонія Германіи. Міръ, организованный Германіей, подчиненный ея изумительной дисциплинѣ, всеміpное военно-промышленное государство, соединеніе государственно-соціалистической фаланстеры съ прусской казармой. Миръ, вѣчный германскій миръ, pax germanica, все приведено къ одному уровню и порядкомъ, всѣ стоятъ по стойламъ, у всѣхъ достаточное коли-

чество калорій въ ясляхъ и всѣ поклоняются „старому нѣмецкому богу“, воплощенному въ германскомъ государствѣ.

Таковъ германскій идеалъ организаціи міра. Таковы цѣпи, которыя куются для человѣчества на наковальняхъ германской милитаристической культуры. Что же противоставляютъ германскому идеалу союзники? Какъ понимаютъ они цѣли этой войны?

Нужно откровенно признать, что мы не найдемъ здѣсь въ отвѣтъ на этотъ вопросъ такой опредѣленной и разработанной идеологіи, какъ идеологія германскаго имперіализма и это вполнѣ понятно. Выработка вполнѣ опредѣленной теоріи по вопросу о цѣляхъ войны затрудняется въ данномъ случаѣ прежде всего тѣмъ, что противъ Германіи стоитъ не одинъ народъ и не союзъ, въ которомъ руководящая роль представляется одному народу, а нѣсколько вполнѣ независимыхъ и равноправныхъ народовъ, имѣющихъ каждый свое прошлое, свои воззрѣнія, свои точки зрѣнія. А во-вторыхъ, эти народы не готовились къ этой войнѣ, въ теченіе 40 лѣтъ, какъ Германія, а, напротивъ, старались всѣми силами предотвратить эту катастрофу. На вопросъ: почему вы воюете? мы имѣемъ прежде всего неотразимый отвѣтъ: потому что на насъ напали.

Но мы, конечно, совершили бы большую ошибку, если бы успокоились на этомъ отвѣтѣ. Онъ вѣренъ, но онъ недостаточенъ. Мы ясно ощущаемъ, что вступаемъ въ новый періодъ міровой исторіи. Война вскрыла съ неотразимой очевидностью, что жить такъ, какъ жила Европа до войны, больше нельзя. Германскіе мыслители правы въ томъ отношеніи, что связываютъ съ этой войной міровыя задачи. Они не правы только въ самомъ опредѣленіи этихъ задачъ. И если мы негогласны съ ними, если мы отвергаемъ съ отвращеніемъ и негодованіемъ мысль о превращеніи Европы въ солнечную систему, въ собраніе вассаловъ Германіи, то германскому плану организаціи Германіи мы и наши союзники должны противопоставить свой собственный планъ. Наша задача не только отразить нападеніе врага, но и предупредить въ будущемъ возможность катастрофъ, подобныхъ переживаемой нынѣ. И для этого недостаточно

одной побѣды надъ Германіей. Разметать гнѣздо милитаризма это большая цѣль, но эта цѣль отрицательная. Надо на мѣсто милитаризма поставить нѣчто положительное. Въ моментъ, когда только что вспыхнулъ пожаръ, въ пламени котораго горитъ Европа, одна великая и смѣлая мысль облетѣла страны антигерманской коалиціи. Разъ оказалось невозможнымъ предупредить эту войну, то пусть же она будетъ войной противъ войны. Пусть она будетъ, по крайней мѣрѣ, послѣдней войной между культурными народами. Я знаю хорошо, что мысль эта была встрѣчена многими, какъ утопія. Сомнѣніе въ ея осуществимости въ послѣднее время скорѣе возросли, чѣмъ уменьшились. И тѣмъ не менѣе въ большую ошибку впадаютъ тѣ, кто считаетъ самую идею вѣчнаго мира неосуществимой или осуществимой развѣ лишь въ какомъ-то безконечно отдаленномъ будущемъ. Я думаю, что мы стоимъ къ осуществленію этой идеи ближе, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Я не рѣшусь утверждать, что эта война—послѣдняя, но я совершенно убѣжденъ, что она явится крупнымъ этапомъ по пути къ прекращенію войнъ между цивилизованными народами. Для незыблемаго огражденія будущаго мира недостаточно однихъ торжественныхъ договоровъ. Нужно нѣчто большее. Нужно, чтобы народы Европы были связаны постоянной политической связью. И зачатки этой связи уже есть налицо. Если Германія со своими союзниками представляетъ собой какъ бы прототипъ того европейскаго союза подъ германской гегемоніей, о которомъ мечтаютъ нѣмцы, то антигерманская коалиція является зародышемъ европейской организаціи, которую нужно противопоставить нѣмецкому плану. Въ отличіе отъ этого послѣдняго она основана не на гегемоніи, а на равенствѣ входящихъ въ составъ ея государствъ. Это вытекаетъ изъ самаго состава согласія. Его члены если бы и хотѣли, не могли бы построить его иначе. Самый фактъ нахожденія въ составѣ противогерманскаго союза четырехъ такихъ державъ, какъ Россія, Англія, Франція и Италія, исключаетъ возможность положить въ основу этого союза чью-либо гегемонію. Онъ можетъ быть лишь союзомъ равныхъ и именно потому онъ представляетъ собой наилучшій

фундаментъ для зданія организаціи Европы, построеннаго на началѣ равноправія народовъ, иначе говоря—для зданія будущей европейской конфедераціи.

Но возможна ли такая конфедерація? Возможно ли прочное политическое соединеніе европейскихъ народовъ на равныхъ правахъ, безъ господства одного изъ нихъ и безъ сліянія ихъ въ одно государство? Возможно ли созданіе всеевропейскаго цѣлаго при сохраненіи національной особенности и самостоятельности отдѣльныхъ частей? Я не былъ бы убѣжденъ въ этомъ, если бы въ числѣ европейскихъ государствъ и въ частности въ числѣ членовъ противогерманскаго согласія не было бы такого государства, какъ Англія.

Полтораста лѣтъ тому назадъ великій французскій мыслитель Монтескье говорилъ, что у всякаго народа есть своя національная цѣль, свое истинное призваніе, своя историческая миссія. И цѣль Англіи онъ видѣлъ въ огражденіи и развитіи политической свободы. Свобода, по его словамъ, въ Англіи достигаетъ наивысшей возможной точки развитія. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, и человѣческія понятія о наивысшихъ предѣлахъ развитія свободы успѣли существенно измѣниться. Но опредѣленіе Монтескье до сихъ поръ сохраняетъ всю свою силу. Англія теперь, какъ и прежде, представляетъ собой примѣръ наивысшаго для данной эпохи развитія политической свободы. Въ эволюціи политической жизни человѣчества она попрежнему идетъ впереди другихъ народовъ и освѣщаетъ имъ путь. Замѣчательно, что сами англичане, со свойственной ихъ народному характеру гордой скромностью, никогда не навязывали другимъ народамъ своихъ учрежденій и вообще рѣдко теоретизировали по поводу ихъ. За нихъ это дѣлали другіе. Въ половинѣ XVIII вѣка Монтескье раскрылъ основы англійскаго государственнаго строя и, возведя ихъ на степень образца для другихъ народовъ, положилъ начало теоріи конституціоннаго государства. Въ серединѣ XIX вѣка нѣмецъ Гнейстъ, изучивъ строй англійскаго мѣстнаго управленія, былъ пораженъ той огромной ролью, которую играетъ англійское мѣстное самоуправленіе въ качествѣ фундамента англійской конституціи, и это

привлекло вниманіе политиковъ къ вопросамъ самоуправленія. Теперь Европѣ предстоитъ взять у Англіи третій урокъ—урокъ построенія политическихъ организацій, выходящихъ за предѣлы національнаго государства и въ то же время основанныхъ не на началѣ гегемоніи, а на началѣ равенства и свободы.

Нужно прежде всего твердо установить одно. Такая организація и въ частности европейская конфедерація равноправныхъ государствъ невозможны при томъ пониманіи государства, которое господствуетъ въ Германіи. Въ Германіи національное государство понимается, какъ всемогущее, неограниченное, какъ земной богъ. Организація Европы необходимо требуетъ совершенно иного пониманія государства. И именно такое пониманіе мы находимъ въ Англіи. Въ представленіяхъ англичанина, государство не стоитъ надъ человѣкомъ, какъ нѣкій грозный молохъ, утверждающій свою абсолютную самоцѣнность и требующій безусловнаго подчиненія. Англичанинъ высоко цѣнитъ государство, но онъ сознаетъ его ограниченность и условность; онъ видитъ въ немъ не самоцѣль, а средство для другихъ высшихъ цѣлей. Государство въ его глазахъ не паритъ гдѣ-то въ воздухѣ надъ отдѣльными людьми, но живетъ въ нихъ, составляя часть ихъ существа. У англичанъ есть своя религія патріотизма, но это не идолопоклонническая религія. Англичанинъ не менѣе патріотъ, чѣмъ нѣмецъ, но патріотизмъ его иной. „Мы выше всѣхъ другихъ народовъ, ибо умѣемъ повиноваться“, говоритъ нѣмецкій писатель. Англичанинъ тоже умѣетъ повиноваться, когда онъ считаетъ это необходимымъ, но высшее проявленіе патріотизма онъ видитъ не въ слѣпомъ послушаніи, а въ свободномъ подвигѣ. Крэмбъ, умершій незадолго до войны, англійскій профессоръ, который предвидѣлъ эту войну и призывалъ своихъ соотечественниковъ готовиться къ ней, говоря о патріотизмѣ, вспоминаетъ смерть изслѣдователя южныхъ полярныхъ странъ капитана Скотта.

Экспедиція Скотта погибла; впослѣдствіи въ страшной ледяной пустынѣ были найдены замерзшіе трупы ея членовъ. Изъ оставшихся дневниковъ видно было, что эти люди до конца сохранили непоколебимое мужество. Одинъ изъ нихъ, почувство-

вавъ себя заболѣвшимъ, ушелъ одинъ погибать среди льдовъ, чтобы не быть обузой для товарищей. Начальникъ экспедиціи велъ дневникъ до самаго послѣдняго момента и послѣднія слова, которыя онъ вписалъ туда костенѣющей рукой были: „величіе Англіи, моей націи“. Англія не посылала его открывать южный полюсъ, его толкнулъ туда научный интересъ; его работы не могли принести Англіи непосредственной практической пользы, и тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ, что подвигъ его служитъ величію его родины, какъ вѣрующіе христіане чувствуютъ, что имя Бога святится и славится въ ихъ дѣлахъ. Съ нѣмецкой точки зрѣнія тутъ не было истинной государственности, ибо не было повиновенія, дисциплины массоваго дѣйствія. Я вдался въ характеристику англійскаго патріотизма, чтобы показать, что у англичанъ преданность родинѣ соединяется съ неискоренимымъ чувствомъ индивидуальной свободы, исключающимъ поглощеніе личности государствомъ. И только на такомъ государственномъ духѣ, чуждомъ идеи государственнаго всемогущества, можетъ быть построена прочная междугосударственная организація. Но Англія не только подготовлена къ такой организаціи духомъ своей государственности. Начала, которыя должны лечь въ основу такой организаціи, уже примѣняются англичанами въ практической жизни. Можно сказать, что въ Англіи уже начались, хотя и не преднамѣренно, какъ все, что создаетъ англійскій политическій ґеній,—предварительные опыты, необходимые для созданія прочнаго политическаго объединенія государствъ, сохраняющихъ внутреннюю самостоятельность.

Многіе видятъ доказательства великаго государственнаго таланта нѣмецкаго народа и высокаго достоинства германской организаціи въ той сплоченности и устойчивости, которыя проявляетъ германское государство въ переживаемыхъ имъ критическихъ обстоятельствахъ. Но если такъ можно удивляться организаціи, держащей въ сплоченномъ состояніи 70 милліоновъ почти однороднаго въ національномъ и культурномъ отношеніи населенія, то во сколько же разъ большаго удивленія заслуживаетъ организація, поддерживающая въ сплоченномъ состояніи, съ самымъ ничтожнымъ примѣненіемъ принудительныхъ средствъ

безъ всеобщей воинской повинности, болѣе 400 милліоновъ населенія всѣхъ расъ, всѣхъ религій, всѣхъ ступеней культуръ, всѣхъ цвѣтовъ кожи,—населеніе, въ которомъ на долю собственно Англіи выпадаетъ всего около одной десятой части. Мы знаемъ мало Англію. Но, къ сожалѣнію, мы еще меньше знаемъ то удивительное созданіе англійскаго политическаго генія, которое называется Британской Имперіей. Подъ этимъ разумѣется, какъ извѣстно, Англія вмѣстѣ съ ея колоніями. Но было бы большой ошибкой со словомъ колонія соединять въ данномъ случаѣ то же представленіе, которое соединяется съ названіемъ колоній въ другихъ странахъ. Британская Имперія—это не просто огромное государство съ колоніями, это нѣчто большее. Въ моей памяти встаетъ сейчасъ одно очень сильное и яркое ощущеніе, которое я испыталъ семь лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ, работая въ библіотекѣ министерства колоній. Я находился въ сравнительно небольшой, скромно обставленной комнатѣ, наполненной книгами, рукописями и картами. Она имѣла съ внѣшней стороны видъ непритязательный, я бы сказалъ даже старомодно-провинціальный. Но когда, сидя въ этой комнатѣ, я перелистывалъ, то сборникъ трудовъ капскаго общества, агитировавшаго за соединеніе южно-африканскихъ колоній на началахъ нефедеральнаго, а унитарнаго государственнаго строя, то политическіе памфлеты, изданные въ Оттавѣ и Торонто въ эпоху борьбы Канады съ метрополіей, то дипломатическую переписку, касающуюся правъ Великобританіи на покровительство индѣйцамъ, населяющимъ восточный берегъ Гондурасса, я ощущалъ явственно въ этой скромной комнатѣ вѣяніе міровыхъ вопросовъ и задачъ. Я чувствовалъ живо и реально, что я нахожусь не просто въ столицѣ одного изъ европейскихъ государствъ, но въ великомъ міровомъ центрѣ, въ средоточіи силъ огромной и сложной политической системы, раскиданной по всѣмъ частямъ свѣта. Британская Имперія не государство. Это болѣе, чѣмъ государство. Это цѣлый міръ, состоящій изъ множества мелкихъ и крупныхъ, культурныхъ и некультурныхъ государствъ. Въ одной Индіи, насчитывающей 250 милліоновъ населенія, имѣется, кромѣ провинцій, подчиненныхъ непосред-

ственной власти англо-индійскаго правительства, свыше 600 туземныхъ государствъ, находящихся подъ протекторатомъ этого правительства. Въ составѣ Британской Имперіи мы наблюдаемъ величайшее разнообразіе политическихъ формъ. Передъ нами проходятъ какъ будто бы всѣ ступени послѣдовательнаго политическаго развитія человѣчества. Мы находимъ тамъ и цвѣтнокожихъ королей, раджей, султановъ, князей, управляющихъ своими подданными подъ контролемъ англійскаго резидента, и колоніи, подчиненныя режиму, напоминающему времена просвѣщеннаго абсолютизма въ Европѣ, и владѣнія, находящіяся на подготовительной ступени къ представительному правленію, съ зачаткомъ мѣстнаго парламента, колоніальнымъ совѣтомъ, и автономныя колоніи съ мѣстнымъ законодательнымъ собраніемъ, но безъ парламентаризма, и, наконецъ, старшіе члены Британской политической семьи, dominians—колоніи, обладающія не только собственнымъ парламентомъ, но и собственнымъ отвѣтственнымъ правительствомъ. Внутри Британской Имперіи можно наблюдать не только различныя формы государственнаго устройства, но и различные виды сложныхъ государствъ. Австралія и Канада представляютъ собой федераціи, состоящія изъ штатовъ, и внутреннее устройство южной Африки тоже близко подходитъ къ федеративному. Нѣкоторыя крупныя колоніи, какъ, напримѣръ, Австралія, имѣютъ сами владѣнія, подходящія подъ типъ колоніальныхъ, и въ числѣ такихъ зависимыхъ владѣній есть даже одна маленькая федерація.

На ряду съ разнообразіемъ формъ политическаго устройства мы находимъ въ Британской Имперіи и величайшее разнообразіе содержанія политической жизни. Съ одной стороны предъ нами такіе патріархально-демократическіе уголки, какъ Ньюфаунлендъ, съ другой такія передовыя республики, какъ Австралія, или извѣстная своими смѣлыми соціальными опытами Новая Зеландія. Многое, что кажется еще недостижимымъ идеаломъ въ Европѣ, осуществляется въ колоніяхъ Англіи. И все это огромное и пестрое разнообразіе государственныхъ формъ, законодательствъ, обычаевъ, нравовъ, системъ управленія, совмѣщается въ предѣлахъ одного сложнаго политическаго цѣ-

лаго. И въ критическій моментъ великой международной борьбы это цѣлое не только сохраняетъ, но и увеличиваетъ свою внутреннюю сплоченность. Такая организація по меньшей мѣрѣ имѣетъ право поспорить съ германской.

Я не хотѣлъ бы быть чрезмѣрно пристрастнымъ и вдаваться при изображеніи строя Британской Имперіи, въ искусственную идеализацію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Британской Имперіи нѣтъ равенства всѣхъ частей. Такое равенство было бы и невозможно при огромныхъ различіяхъ въ степени культуры ея населенія. Исторически, Британская Имперія основана на гегемоніи Великобританіи надъ остальными частями сложнаго цѣлаго. Эти элементы гегемоніи сохраняются въ ней и по нынѣ, проявляясь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ разнороднѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ ниже по своему культурному развитію населеніе края, о которомъ идетъ рѣчь. Но Британская Имперія не есть нѣчто неподвижное и застывшее. Напротивъ, все въ ней непрерывно движется и развивается. Она какъ бы грандіозная лабораторія, въ которой непрестанно производятся политическіе и соціальные опыты и вырабатываются новыя формыя государственныхъ и общественныхъ отношеній. И самое важное и интересное для насъ это—то направленіе, въ которомъ совершается ея развитіе. Оно діаметрально противоположно развитію Германіи. Германія шла отъ равенства къ гегемоніи, отъ германскаго союза и индивидуализма 1848 г. къ военнной олигархіи. Британская Имперія, напротивъ, идетъ отъ гегемоніи къ равенству.

Конечно, для нѣкоторыхъ частей Имперіи, населенныхъ людьми не европейской расы, это движеніе находится еще въ самомъ своемъ началѣ. Критики Англіи любятъ ставить ей въ упрекъ Индію. Но нельзя не замѣтить, что эти упреки зиждятся на невѣрномъ представленіи объ этой странѣ. Многіе представляютъ себѣ Индію, какъ единое цѣлое, какъ единый народъ, созрѣвшій до политической самостоятельности и стремящійся къ ней. На самомъ дѣлѣ Индія,—огромный пестрый агломератъ народовъ, среди которыхъ есть дикари, и полукультурные народы и народы съ высоко-развитой и сложной, но своеобраз-

ной культурой. Индія не имѣетъ единаго національнаго самосознанія. Въ ней сталкивается множество враждебныхъ другъ другу расъ, племенъ, религій. Предоставленная всецѣло самой себѣ, Индія неизбѣжно сдѣлалась бы ареной кровавыхъ междоусобій....

Изъ предварительнаго конспекта (см. Предисловіе).

Но даже Индія и Египетъ возстали бы, если недовольство переходило бы извѣстныя границы. А съ автономными колоніями связь чисто-добровольная. Правда, это не боевая наступательная организація, а мирная. Но потому-то она и можетъ быть образцомъ. Союзникамъ и предстоитъ противопоставить идею международнаго федерализма идеѣ германской всемірной гегемоніи. Всякое иное основаніе европейскаго мира не прочно. Надо разорить гнѣздо милитаризма. Но надо на мѣсто его поставить идею высшей организаціи.

Нейтральныя государства. Недальновидность и непониманіе. Развѣ побѣдоносная Германія потерпитъ независимость Болгаріи и Румыніи. Балканскій полуостровъ. Германія соблазняетъ каждое государство имперіализмомъ. Германія прививаетъ Швеціи стремленіе къ завоеванію и затѣмъ перспективу скандинавской гегемоніи. Германія всюду (насаждаетъ) милитаризмъ, всюду поддерживаетъ реакціонныя партіи и всѣ реакціонныя партіи тяготѣютъ къ Германіи.

Англія несетъ идею организаціи, кореннымъ образомъ различающуюся отъ организаціи германской.

Заключительный абзацъ рѣчи по отчету «Русскихъ Вѣдомостей» въ нумерѣ отъ 17 октября 1916 г.

Международная организація, не поглощающая своихъ составныхъ частей, но оберегающая полноту ихъ свободы, организація по принципу не принужденія, но убѣжденія,—вотъ новая миссія Англіи.

„Но чтобы приступить къ строительству, Англія должна выдержать испытаніе войны, въ которой борется величайшая олигархія съ величайшей демократіей. Начало войны дало перевѣсъ первой. На нашихъ глазахъ совершилось чудо. Демократія создала съ поражающей быстротой армію и военную организацію, которыя уже теперь превзошли Германскую. И Германская мечта о гегемоніи начинаетъ блекнуть, все болѣе облетаютъ ея крылья. Оттого все сильнѣе стремленіе разъединить главныхъ противниковъ, Англію и Россію; подъ всякими масками и во всякихъ костюмахъ крадется къ намъ недремлющая германская интрига, на всемъ спекулируетъ,—на утомленности, на малодушіи. Разставляется ловушка равной которой не знала исторія. Цѣль ясна—короткая дружба съ Россіей нужна, чтобы раздавить Англію, а затѣмъ придетъ чередъ и Россіи. Слишкомъ ясна цѣль, чтобы позволить ее осуществить. Конечно только ложь въ раздающихся иногда словахъ: вмѣсто нѣмецкаго засилія—засиліе англійское. Работаютъ сейчасъ два молота и одинаковъ ихъ шумъ. Но одинъ молотъ куетъ цѣпи на Европу, другой—разбиваетъ эти цѣпи. Рождается новая, свѣтлая Европа, и родится она лишь при одномъ условіи—при незыблемо крѣпкомъ союзѣ Россіи съ Англіей“.

---

2 р.

Складъ въ к-вѣ М. и С. Сабашниковыхъ,
Москва, Плющиха, 55.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Ко. Москва.

